

В.Н. ДЁМИН,
доктор философских наук, член Союза писателей России

СКОЛЬКО ЛЕТ РУССКОЙ ЗЕМЛЕ?

Русь до Руси

Программное полотно Ильи Глазунова “Вечная Россия”, посмотреть которое когда-то стекались толпы москвичей и приезжих, первоначально называлось “Сто веков”. Срок отсчитан от предполагаемого исхода древних ариев со своей Прародины, что послужило началом распада первичной этнолингвистической общности и появления самостоятельных народов и языков (раньше язык был общим). Символом былой Прародины - полярной Мировой горой, помещенной в левом верхнем углу, и открывается зрительный ряд на композиции Глазунова.

Но действительно ли - сто веков? Или десятью тысяч лет не исчерпывается долгий путь и тернистая история славяно-русских племен и других народов земли? Ведь еще Михаил Васильевич Ломоносов склонен был согласиться с совсем иной датой, далеко выходящей за границы самой дерзкой фантазии. Четыреста тысяч лет (точнее - 399 000) – вот начало отсчета мировой истории, как сие следует из вычислений вавилонских астрономов и свидетельств египтян, зафиксированных античными историками*. Согласно реконструированной “Повести временных лет”, предположительно принадлежащей черноризцу (монаху) Киево-Печерского монастыря Нестору, отправной точкой начальной русской истории считается 862 год, связанный с призванием на княжение Рюрика с братьями. Именно с той поры и принято было долгое время выстраивать хронологию Российского государства. В 1862 году даже было отмечено так называемое 1000-летие России, по случаю чего в Великом Новгороде установили впечатляющий памятник по проекту скульптора Михаила Микешина, ставший чуть ли не символом российской государственности и монархизма.

Однако есть в русских летописях еще одна дата, не признанная официальной наукой. Речь идет о древнерусском сочинении, известном под названием «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске» (см. Приложение к данной статье)** , включенном во многие хронографы и летописи. Начиная с XVII века известно около ста списков литературного памятника. Здесь рассказывается о праотцах и вождях русского и всего славянского народа, которые после долгих скитаний по миру появились на берегах Волхова и озера Ильмень *в середине 3-го тысячелетия до новой эры (!)*, основав города Словенск и Старую Руссу, откуда и начали военные походы “на египетские и другие варварские страны” (так сказано в первоисточнике), где наводили “великий страх”. В Сказании названа и точная дата основания Словенска Великого — *2409 год до новой эры* (или 3099 год от Сотворения мира). Спустя три тысячи лет, после двукратного запустения, на месте первой столицы Словено-Русского государства был построен — Новгород, который потому-то и был назван «новым городом», что воздвигли его на месте старого, ранее существовавшего, и которому досталась от предшественника также и приставка — Великий.

Последующая история Словенска Великого и Русы теряется во мгле веков. Известно только, что Словенск сгорел, а Руса по сей день стоит на прежнем месте. Однако нет сомнения в том, что жизнь в этих очагах русской народности и

* См.: Ломоносов М.В. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1986. С. 424.

** Опубликовано также в качестве Приложения в кн.: В.Н. Демин. Русь летописная. М., 2002. Здесь же дается более подробный анализ данной проблемы.

государственности не прервалась ни на минуту. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы отмеченный во всех летописях факт посещения сих земель апостолом Андреем Первозванным, который в 1-м веке новой эры прошел территорию современной России до самой Ладоги, благословил Русскую землю и предрек ей великое будущее.

Историки против праотцев

Историки-снобы не видят в легендарных сказаниях о Русе и Словене никакого рационального зерна, считая их выдумкой чистой воды, причем сравнительно недавнего времени. Николай Михайлович Карамзин, к примеру, в одном из примечаний к 1-му тому «Истории государства Российского» называет подобные предания “сказками, внесенными в летописи невеждами”^{*}. Спору нет: конечно, безвестные историки XVII века что-то добавляли и от себя, особенно по части симпатий и пристрастий. Ну, а кто такого не делал? Карамзин первый по накалу субъективных страстей и тенденциозности в его знаменитой «Истории» даст сто очков форы любому хронографу и летописцу.

Еще иногда говорят: записи легенд о Словене и Русе позднего происхождения, вот если бы они были записаны где-нибудь до татаро-монгольского нашествия, тогда совсем другое дело. Что тут возразить? Никто ведь не знает, были или нет записаны древние сказания на заре древнерусской литературы: тысячи и тысячи бесценных памятников погибли в огне пожаров после нашествия кочевников, собственных междоусобиц и борьбы с язычеством. Кроме того, почти за двести лет до того сведения о Словене и Русе со слов устных информаторов были записаны послом “великого кесаря” Сигизмундом Герберштейном в его знаменитых “Записках о Московии”. А еще на полтысячи лет раньше о них сообщали византийские и арабские авторы.

Документальное же подтверждение тому, что “Сказание о Словене и Русе” первоначально имело длительное устное хождение содержится в письме в Петербургскую академию наук одного из ранних российских историографов Петра Крекшина, происходившего из новгородских дворян. Обращая внимание ученых мужей на необходимость учета и использования в исторических исследованиях летописного “Сказания о Словене и Русе”, он отмечал, что новгородцы “исстари друг другу об оном сказывают”, то есть изустно передают историческое предание от поколения к поколению^{**}. Так что с легендарной историей Руси дело обстояло вовсе не так, как это представлялось Карамзину и последующим историкам. В противоположность им Ломоносов усматривал в древних сказаниях русского народа отзвуки исторической действительности и писал буквально следующее: даже если «имена Словена и Руса и других братьев были вымышлены, однако есть дела Северных славян в нем [Новгородском летописце. – В.Д.] описанные, *правде не противные*»^{***}. [Выделено мной. – В.Д.].

У устных преданий совсем другая жизнь, нежели у письменных. Поэтому непременным условием аналитического и смыслового исследования исторических сказаний является отделение “зерен от плевел”. Легенды о происхождении любого народа всегда хранились как величайшая духовная ценность и бережно передавались из уст в уста на протяжении веков и тысячелетий. Рано или поздно появлялся какой-нибудь подвижник, который записывал “преданья старины глубокой” или включал их в отредактированном

^{*} Карамзин Н.М. История государства Российского. В двенадцати томах. Т. 1. М., 1989. 196.

^{**} См.: Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.6, М.-Л., 1952. С. 554–555. Примечание.

^{***} Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766. С. 25. (Репринтное издание).

виде в летопись. Таким образом поэмы Гомера (беллетризированные хроники Троянской войны) были записаны еще в античные времена, русские и польские предания — в начале II тысячелетия н.э., Ригведа и Авеста — в XVIII веке, русские былины и карело-финские руны — в XIX веке и т.д. Кое-кто скажет: это — фольклор. А какая разница? Родовые и племенные исторические предания передавались от поколения к поколению по тем же мнемоническим законам, что и устное народное творчество.

Политики против истины

Отечественное летописание всегда опиралось на устную, зачастую фольклорную, традицию, в которой не могли не сохраняться отзвуки былых времен. Такова и Начальная русская летопись: “Повести временных лет”, посвященная событиям, случившимся до рождения Нестора-летописца, опирается главным образом на устные предания. У самого Нестора имена Словена и Руса не встречаются. На то были свои веские причины. Большинство из дошедших до наших дней древнейших летописей (и уж во всяком случае все те, которые были возведены в ранг официоза) имеют киевскую ориентацию, то есть писались, редактировались и исправлялись в угоду правящих киевских князей-Рюриковичей, а в дальнейшем — в угоду их правопреемникам — московским великим князьям и царям. Новгородские же летописи, имеющие совсем иную политическую направленность и раскрывающие подлинные исторические корни как самого русского народа, так и правивших на Руси задолго до Рюрика князей, нередко замалчивались или попросту уничтожались. О том, что там было раньше, можно судить по летописи первого новгородского епископа Иоакима, которая дошла лишь в пересказе, включенном в “Историю Российскую” В.Н. Татищева.

Начальное новгородское летописание в корне противоречило интересам и установкам киевских князей, к идеологам которых относились и монахи Киево-Печерской лавры, включая и Нестора. Признать, что новгородские князья древнее киевских, что русская княжеская династия существовала задолго до Рюрика, — считалось во времена Нестора недопустимой политической крамолой. Она подрывала право киевских князей на первородную власть, а потому беспощадно искоренялась. Отсюда совершенно ясно, почему в “Повести временных лет” нет ни слова о Словене и Русе, которые положили начало русской государственности не на киевском берегу Днепра, а на берегах Волхова. Точно так же игнорирует Нестор и последнего князя дорюриковой династии — Гостомысла, лицо абсолютно историческое и упоминаемое в других первоисточниках, не говоря уж об устных народных преданиях.

Почему так происходило, удивляться вовсе не приходится. Уже в XX веке на глазах, так сказать, непосредственных участников событий по несколько раз перекраивалась и переписывалась история такого эпохального события, как Октябрьская революция в России. Из книг, справочников и учебников десятками и сотнями вычеркивались имена тех, кто эту революцию подготавливал и осуществлял. Многие из главных деятелей Октября были вообще уничтожены физически, а хорошо известные и совершенно бесспорные факты искажались в угоду новым временщикам до неузнаваемости. Ну, а спустя некоторое время наступала очередная переоценка всех ценностей, и уже до неузнаваемости искажался облик недавних временщиков. Это в наше-то время! Что же тогда говорить о делах давно минувших дней?

Впрочем, косвенные, упоминания по крайней мере о Словене в Несторовой летописи все же сохранились, несмотря на жесткую политическую установку и позднейшие подчистки киевских цензоров. Скажем, есть “Повести временных лет” одна на первый взгляд странная фраза: жители Великого

Новгорода, дескать, “преже бо беша словени”^{*}. Переводится и трактуется данный пассаж в таком смысле, что новгородцы прежде были славяне. Историки и археологи, дабы свести концы с концами, договорились даже считать «словен новгородских» особым племенем. Объясняется всё, однако, очень просто: Новгород был построен на месте старой столицы Словенска, названного так по имени князя Словена — основателя стольного града. Потому-то Новгород и назван “новым городом”, что воздвигли его на месте “старого”, и прежнее прозвание новгородцев — “словени”, то есть “жители Словенска”.

Безусловно, тот факт, что “словене” были жителями и подданными древнего Словенска, основанного князем Словеном, хорошо было известно и Нестору, и его современникам. Но говорить об этом автор “Повести временных лет” не стал — побоялся или не посмел. Удивительные метаморфозы происходят в летописях и с самим Великим Новгородом – столицей Рюриковой державы. Сколь вольно и беззастенчиво обращались с Несторовым текстом последующие редакторы и переписчики видно хотя бы по одной-единственной, но принципиально важной, фразе. Она касается распределения русских земель после призвания князей. Во всех современных переводах “Повести временных лет”, в хрестоматиях, научных компиляциях и учебниках говорится, что после появления на территории новгородской Руси Рюрик стал княжить в самом Новгороде, Синеус — на Белоозере, а Трувор — в Изборске. В действительности же в наиболее древних и авторитетных летописях про Рюрика сказано нечто *совсем другое*. В Ипатьевской и Радзивилловской летописях говорится, что, придя в Новгородскую землю, братья-варяги первым делом “срубили” город Ладогу — в ней-то “сел” и стал править Рюрик. Следовательно, именно Ладогу и следует считать первой столицей династии Рюриковичей.

Про то же, что Новгород Великий был избран Рюриком в качестве стольного града, в данном фрагменте летописей вообще ничего не говорится. В Лаврентьевском списке на данном месте вообще зияет *пробел*. Вот эту-то лауну Карамзин и заполнил Новгородом, который создатель “Истории Государства Российского” позаимствовал из ныне утраченной и заведомо поздней Троицкой летописи, – да и то не из самого ее текста, а из приписки на полях «Новгород», сделанной неизвестно когда и неизвестно кем (в те времена украшать поля древних книг собственными замечаниями считалось в порядке вещей). Вот эту-то чужую приписку XVIII века Карамзин ничтоже сумняшеся и выбрал в качестве шаблона для своей версии эпизода с “призванием князей”, что по сей день остается научным и учебным канонем.

Старая Ладога и Великий Новгород – древние столицы Руси

Прежде чем появиться в Новгороде, Рюрик долго скитался в Приладожье – от устья реки Вуоксы до излучины Волхова, где и срубил Ладогу (Старую). Позднее крепость достроил Олег Вещий, а в 1114 году новгородский князь Мстислав Великий воздвиг каменные стены, неоднократно перестраивавшиеся в последующие века. Сейчас здесь реконструирована крепость XVII–XVIII веков, внутри которой сохранилась жемчужина древнерусской архитектуры – Георгиевский собор XII века.

Священное место земли русской и поныне поражает своей сакральной уникальностью. Порой кажется, что Рюриковы времена где-то совсем рядом. Повсюду древние курганы, среди них – самый большой, под которым, по преданию, похоронен Олег Вещий. По другому местному преданию, в Ладоге же находится тайная могила Рюрика, похороненного в золотом гробу в одном из подземных убежищ. В самом деле вокруг города множество неизведанных пещер

^{*} Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 13.

и подземных ходов, один из коих даже проложен под Волховом. Современные гидрогеологи отрицают даже принципиальную возможность соорудить что-то подобного в далеком прошлом (из-за отсутствия инженерных навыков и соответствующей техники). Но ведь система подземных убежищ и туннелей могла возникнуть гораздо раньше.

После Старой Ладogi центр русской истории ненадолго переместился в Великий Новгород, находившийся на перекрестке традиционных миграционных и торговых путей и, кроме того, занимавший удобное стратегическое положение как для обороны от многочисленных недругов, так и для собственной экспансии во всех направлениях. О новгородской деятельности Рюрика летописных сведений сохранилось очень и очень мало. Известно только, что присмотрел его в качестве наиболее достойного жениха и мужа для своей дочери Умилы новгородский старейшина Гостомысл. Перед смертью он посоветовал новгородцам пригласить зятя на княжение. Как известно, сие случилось в 862 году.

Княжение Рюрика продолжалось достаточно долго – семнадцать лет и завершилось в 879 году созданием Новгородской Руси – первого государства новой династии, процарствовавшей в России 719 лет. Несторова «Повесть временных лет» по существу фиксирует только начало и конец Рюриковой деятельности. В остальном в летописи либо лакуны (ранее наполненные богатым историческим содержанием), либо сообщения о заморских событиях. Судя по всему, личной вины Нестора-летописца в том нет: его бессмертный труд подвергся при Владимире Мономахе жесточайшей цензуре в угоду киевским князьям, в результате чего изъятыми оказались целые страницы, а оставшиеся тщательно отредактированы, подчищены или переписаны заново.

Впрочем, по смерти Рюрика ближайшие и отдаленные перспективы нового государственного образования были еще достаточно неопределенными. В Киеве властвовали сильные конкуренты – Аскольд и Дир, настолько сильные, что без труда смогли организовать поход на всеильную Византию и на двухстах кораблях осадить Царьград (только чудо спасло город от захвата и разграбления). Можно представить, что случилось бы, если бы киевская армада отправилась не к Константинополю на Босфоре, а к Новгороду на Волхове! По счастью, этого не произошло, а спустя четверть века Олег Вещий, опекун сына Рюрика, Игоря, и всеильный регент нового Российского государства, сумел хитростью переломить ситуацию в пользу Новгородской Руси

Так возникла Новгородско-Киевская Русь, ибо Великий город на Волхове еще полтора века продолжал играть важнейшую (а подчас – решающую) роль в русской истории, за что в конце концов и получил относительную вольность. Даровал ее феодальной республике на Волхове Ярослав Мудрый, сын крестителя Руси – князя Владимира. Заслуга новгородцев в общем-то вполне стоила того: они выставили 40 тысяч (!) ратников, кои помогли Ярославу вместе с варягами-наемниками одолеть брата Святополка (убийцу Бориса и Глеба) и занять Киевский престол.

В эти страшные междоусобные времена первой на Руси гражданской войны новгородцы еще именовали себя словенами, то есть насельниками Словенской земли и бывшей столицы Словенска Великого, на развалинах (точнее – пепелище) которой был воздвигнут Великий Новгород. Затем наступил «темный век» Новгородской истории: более чем на столетие о жизни Новгородской республики, освободившейся от великокняжеского диктата, практически почти ничего не известно. Кто держал в руках Новгородскую Первую летопись старшего извода, знает: начало ее попросту выдрано, а на последующих сохранившихся страницах описываются в основном события в Киеве. Не сохранились даже тексты дарованных Ярославом основополагающих

документов – «Правды» и «Устава», где были сформулированы принципы и юридические нормы новгородского народоправства: то ли грамоты были надежно спрятаны во времена соперничества с Москвой, то ли их уничтожили опричники Ивана Грозного.

В XIII веке Новгородская республика достигла пика своего расцвета и могущества. Отражение католической экспансии и Запада, разгром шведов в битве на Неве и немцев с ливонцами на льду Чудского озера, блестящая воинская, государственная и дипломатическая деятельность Александра Невского, его мудрая политика в отношении Золотой орды – все это славные страницы не только новгородской, но и общероссийской истории. Однако, как это обычно случается, последующие поколения не смогли преумножить или хотя бы закрепить достигнутое. Начался застой, а затем и разложение. Псевдodemократические нормы поведения, искусно регулируемые городской элитой и агентами влияния сопредельных стран и культивируемые ими в своих собственных интересах, только усугубили ситуацию и привели к тому, что уже в следующем XIV веке в условиях жесточайшего татаро-монгольского ига и перманентной княжеской междоусобицы идеалом новгородской вольницы вместо общерусского патриотизма стали шкурничество, сепаратизм и разбой.

На передний план выдвигается криминальная личность средневекового бандита – ушкуйника, изменившего христианским заповедям, грабившего и сжигавшего повсюду русские города, вырезавшего поголовно все мужское население и продававшие мусульманским работникам молодых русских женщин и девушек. Деяния сих «рыцарей ножа и топора», перемещавшихся на многовесельных лодьях-ушкуях по русским рекам, мало чем отличались от зверств золотоордынских карателей, а по бессмысленной жестокости нередко их превосходили.

Понятно, что неуправляемая и бесконтрольная вольница, по непонятным причинам отождествляемая некоторыми историками с превратно понятыми и истолкованными свободой и демократией, нуждалась в немедленном обуздании. Тем более, что Новгород, а вслед за ним и Псков, недовольные укреплением Москвы, затеяли опасные политические интриги и возымели серьезное намерение поступиться общероссийскими интересами и присоединиться либо к Литве, либо к Ливонии, либо к Швеции. Дабы покончить с сепаратистскими настроениями (которые, к чести новгородцев и псковичей, разделяли далеко не все) требовалась бескомпромиссная политическая воля и твердая самовластная рука. Таковая вскоре нашлась: Иван III (Великий) и Иван IV (Грозный) навсегда отбили охоту у новгородских и псковских псевдodemократов торговать интересами Государства Российского...

* * *

Неотъемлемые части земли Русской – Приладожье, Приильмень, седой Волхов, пуповиной связывающий два заветных озера Ладогу и Ильмень, – сыграли выдающуюся роль в становлении и развитии российской государственности в последние двенадцать с половиной веков. Безусловно, эти судьбоносные процессы немислимы в отрыве от других земель и краев. Однако «спусковой механизм» на протяжении почти четырех тысяч лет – от легендарных Словена и Руса до вполне исторических Рюрика и Олега Вещего – находился на Северо-Западе, локализованный в совершенно конкретном регионе, со времен легендарной Гипербореи связывавший Серер и Юг. Впоследствии этот естественно-природный мост (по воде и по суше) получил название «пути из варяг в греки».

Популярное и поныне представление о генеральном направлении – с Юга на Север – славянской колонизации центральных областей современной России,

относящихся к русскому Междуречью, требует серьезной корректировки. Как и миф о норманском происхождении российской государственности, оно зиждется на песке. Разумеется, в какие-то хронологические отрезки подобное движение наблюдалось, как в другие отрезки времени нетрудно зафиксировать движение на запад или восток. Неприемлема никакая односторонность, никакая абсолютизация, ибо в них не учитывается бывшее этнолингвистическое и социокультурное единство всех без исключения народов, населявших когда бы то ни было и населяющих сегодня центральную часть России.

Доминирующая теория ведущей роли так называемой Киевской Руси в средневековую эпоху истории России также должна быть существенно скорректирована. Хронологические границы Киевской Руси четко определены четырьмя столетиями (X–XIII веками), поэтому она – всего лишь отдельное звено в многотысячелетней истории Руси как целого. Колыбелью же российской государственности следует признать Новгород, который, собственно, и делегировал Киеву первых князей и до присоединения в XV веке к Московскому централизованному государству продолжал занимать ведущее место на арене российской и евразийской истории. Вот почему средневековую эпоху Руси правильнее было бы именовать *историей Новгородско-Киевской Руси* с учетом, разумеется, того факта, что этому периоду предшествовало не менее впечатляющее многотысячелетнее развитие.

*Сокращенный вариант статьи, опубликованной в еженедельнике
«Литературная Россия» за 1999 год, № 47.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

СКАЗАНИЕ О СЛОВЕНЕ И РУСЕ И ГОРОДЕ СЛОВЕНСКЕ
(из Хронографа 1679 года).

(Публикуется по Полному собранию русских летописей. Т. 33. Л., 1977).

В лето от сотворения света 2244, во второе же лето по потопе, по благословию Ноя праотца разделися вся вселенная на три части трем сыном его, Симу, Хаму и Афету. Низвержесе от нерадения Хам от благословения отца своего Ноя, зане упився вином. И потом истрезвися Ной от вина, и разуме, елико сотвори ему меньший сын Хам, и рече: «Проклят буди Хам отрок и да будет раб братама своима». И благослови Ное дву сынов своих, Сима и Афета, иже покрыта наготу отца своего, опак зряще, наготы же его не видеша. И благослови Сифа, сына Арфаксадова, да вселится в пределех Ханаановых. Афету же по благословию отца своего Ноя излившуся на западныя и на северный страны даже и до полунощия. По мале же времени правнуцы Афетовы Скиф и Зардан отлучишася от братий своих и от рода своего от западных стран, и коснушася полуденных стран, и вселишася во Ексинопонте, и живяху тамо многа лета, и от сих породишася сынове и внуцы и умножишася зело, и прозвашася по имени прадеда своего Скифа Скифия Великая. И бысть между ими распря и междоусобица и крамола многа и тесноты ради места. Начальницы же тогда родители их княжаху единого отца сынове пяточислении кровницы, им же имена: 1) Словен, 2) Рус, 3) Болгар, 4) Коман, 5) Истер. От сих же племени во время последнее и каган сыроядец изскочи, о нем же греческая история последи изъяснит. Мы же на подлежащее возвратимся, Князем убо скифским Словену и Русу, мудростию и храбростию в роде своем всех превозшедшим, и начаша размышляти со ближними своими премудре, рекоша же сице: «Или толико всего вселенная, иже ныне под нами? Еда несть во жребии праотца нашего Афета еще части земли благи и ко вселению челоуечю угодны? Слышахом бо от предков

своих, яко благословил праотец наш Ной прадеда нашего Афета частию земли всего западнаго и севернаго и полуношнаго ветров, и ныне убо, братие и друзи, послушайте совета нашего, оставим далече от нас вражду сию и несогласие, еже ныне тесноты ради творится в нас, и подвигнемся убо, и идем от земля сея и от рода нашего, и пойдем по вселенной света, сущей во жребии прадед наших, иде же нас приведет счастье и благословение праотца нашего благословеннаго Афета и подаст нам землю доброплодну во обитание нам и родом нашим». И любя бысть сия речь Словенова и Русова всем людем, и вей яко единемы усты реша: «Благ совет князей наших и добра речь и угодна премудрых держателей».

И в лето от сотворения света 3099 Словен и Рус с роды своими отлучишася от Ексинопонта, и идоша от роду своего и от братия своя, и хождяху по странам вселенных, яко острокрылаты орли прелетаху сквозе пустыня многи, идуще себе на вселение места благопотребна. И во многих местех почиваху, мечтующе, но нигде же тогда обретше вселения по сердцу своему. 14 лет пустыя страны обхождаху, дондеже дошедше езера некоего велика, Моикса зовомаго, последи же от Словена Илмер проименовася во имя сестры их Илмеры. И тогда волхование повеле им быти населником места оного.

И старейший, Словен, с родом своим и со всеми, иже под рукою его, седе на реце, зовомай тогда Мутная, последи ж Волхов проименовася во имя старейшаго сына Словенова, Волхова зовома. Начало Словенску граду, иже последи Новъград Великий проименовася. И поставиша град, и именоваша его по имени князя своего Словенск Великий, той же ныне Новъград, от устия великаго езера Илмеря вниз по велицей реце, проименованием Волхов, полтора поприща. И от того времени новопришельцы скифстии начаху именоватися словяне, и реку некую, во Илмер впадшую, прозваша во имя жены Словеновы Шелони. Во имя же меньшаго сына Словенова Волховца преименова оборотно протоку, иж течет из великие реки Волхова и паки обращается в него. Большой же сын оного князя Словена Волхв бесоугодник и чародей и лют в людех тогда бысть, и бесовскими ухищренными мечты творя многи, и преобразуяся во образ лютаго зверя коркодила, и залегаше в той реце Волхове путь водный, и не поклоняющих же ся ему овых пожираше, овых же испроверзая и утопляя. Сего же ради людие, тогда невегласи, сущим богом окаяннаго того нарицая и Грома его, или Перуна, рекоша, руским бо языком гром перун именуется. Постави же он, окаянный чародей, ноцных ради мечтаний и собирания бесовскаго градок мал на месте некоем, зовомо Перыня, иде же и кумир Перунов стояше. И баснословят о сем волхве невегласи, глаголюще, в боги сел окаяннаго претворяюще. Наше же христианское истинное слово с неложным испытанием многииспытне извести о сем окаяннем чародеи и Волхове, яко зле разбиен бысть и удушен от бесов в реце Волхове и мечтаньми бесовскими окаянное тело несено бысть вверх по оной реце Волхову и извержено на брег противу волховнаго его градка, иде же ныне зовется Перыня. И со многим плачем тут от неверных погребен бысть окаянный с великою тризною поганскою, и могилу ссыпаша над ним велми высокоу, яко же обычай есть поганым. И по трех убо днех окаяннаго того тризница проседеса земля и пожре мерзкое тело коркодилово, и могила его просыпаяся с ним купно во дно адово, иже и донине, яко ж поведают, знак ямы тоя не наполнися. Другий же сын Словенов малый Волховец живяше со отцем своим во граде своем великом Словенцы. И родися Волховцу сын Жилотуг, и протока проименовася во имя его Жилотуг, в ней же той утопе еще детеск.

Другий же брат Словенов Рус вселися на месте некоем разстояннем Словенска Великаго, яко стадий 50 у соленого студенца, и созда град между двема рекама, и нарече его во имя свое Руса, иж и донине именуется Руса Старая. Реку же ту сущую едину прозва во имя жены своя Порусии, другую ж реку

имянова во имя дщери своея Полиста. И инии градки многи Словен и Рус поставиша. И от того времени по имяном князей своих и градов их начаху звати людие сии словяне и руси. От создания мира до потопа лет 2242, а от потопа до разделения язык 530 лет, а от разделения язык до начала создания Словенска Великаго, иже ныне Великий Новъград, 327 лет. И всех лет от сотворения света до начала словенскаго 3099 лет. Словен же и Рус живяху между собою в любви велице, и княжиша тамо, и завладеша многими странами тамошних краев. Также по ним сынове их и внуцы княжаху по коленом своим и налезоса себе славы вечные и богатства многа мечем своим и луком. Обладаша же и северными странами, и по всему Поморию, даже и до предел Ледовитого моря, и окрест Желтовидных вод, и по великим рекам Печере и Выми, и за высокими и непроходимыми каменными горами во стране, рекома Скир, по велицей реце Обве, и до устия Беловодных реки, ея же вода бела, яко млеко. Тамо бо беруши дорогою скорою звери, рекомаго дынка, сиречь соболь. Хождаху ж и на Египетския страны воеваху, и многое храбрство показующе во еллинских и варварских странах, велий страх от сих тогда належаше.

Начальницы же в Словенех во время Александра царя Македонскаго. Начальнейшии же тогда во Словянех и Русех князи быша, им же суть имена: первый Великосан, второй Асан, третий Авесхасан. Сии же бяху храбрством и мудростию многих превзошедше. Всея же вселенная тогда самодержец бысть многосчастный Александр, сын Филиппа Македонскаго. О сих же вышереченных словенех и русех от всех стран жалостен слух и самому самодержцу во уши провозгреме. Премудрый же самодержец и всесветлый царь нача розмышляти с подданными своими: «Что сотворити подобает с сыроядцы сими? Ратьми ли многими ополчиться и розбити сих и покорити в вечную работу? Но неудобно сему быти никако ж зелнейшаго ради дальняго разстояния пуста и неудобпроходных морских вод и превысоких гор». Но обаче посылает к ним з дары многими и писание, всякими похвалами украшено и самого царя высокодержавною десницею златопернатыми писмены подписано. Писание же имяше образ сицев:

Послание Александра царя Македонскаго. *«Александр, царь царем и над цари бичь божий, презвитяжный рыцарь, всего света обладатель и всех, иж под солнцем, грозный повелитель, к покорным же мне милосердый пощадитель, к непокорным же яростный мечь, страх всего света, честнейший над честнейшими, в далекоразстоятельном и незнаемом крае вашем от нашего величества честь и мир и милость вам и по вас храбросердому народу словенскому, зацнейшему колену русскому великим князем и владцом от моря Варяжского и до моря Хвалимского, велебным и милым мне храбрственному Великосану, мудрому Асану, счастному Авехасану вечно поздравляю, яко самех вас лицем к лицу любезне целую, сердечно приемлю яко други по сердцу моему и нагреднейшии подданицы нашему величеству и сию милость даю вашему владычеству. Аще каковый народ вселится в пределах вашего княжества от моря Варяжскаго и даже до моря Хвалимского, да будут вам и потомку вашему подлежимы вечной работе, во иныя ж пределы отнюдь да не вступит нога ваша. Сие достохвалное дело замкнено сим нашим листом и подписано нашею цысарскою высокодержавною правицею и за природным нашим государьским златокованным гербом привешеным. Дано вашей честности в вечность в месте нашего дела в Великой Александрии изволением великих богов Марша и Юпитера, и богини Верверы, и Венуса месяца примоса начальнейшаго дня». А припинье царские руки верх строк златопернатыми писмены написано сице: «Мы Александр, царь царем и над цари бичь, сын великих богов Юпитера и Венуса в небе, земский же Филиппа силнаго царя и Алимпиады царицы, нашею высокодержавною правицею утвердих вечно». Сии ж князи словено-рустии, иж*

таковыя высокия чести сподобишася от всего державнаго того самодержца прияти и сию пречестнейшую епистолию почитаху вельми и обещаша ю в божницы своей по правую страну идола Велеса и честно поклоняхуся ей, и праздник честен творяху в начальный день примоса месяца».

По сих же многим летом прешедшим, восташа от рода сих во языке словенстем два князя, Лалох и Лахерн, и сии паки воевати начаша земли скипетра греческаго. Приходиша же и под самый той царствующий град и много зла и кровопролития сотвориша скипетру греческаго царствия. И храбрый князь Лахерн под царствующим градом убиен бысть близ моря, место же то и донныне зовется Лахерново, на нем же монастырь честен возгражден во имя Пречистыя Богородицы, и множество тогда безчисленно русских вой под стенами града падоша. Князь же Лалох язвен велми со оставшими возвратися во своя со многим богатством. Живяху же отнюд погании, яко скот, не имуще закона. О них же свидетельствует в хождении своем блаженный апостол Андрей Первозванный, яко отнюдь невегласи тогда поганы беша. В Синдерех же тогда княжаху два брата, единому имя Диюлел, а другому Дидиядакх, невегласи боги их тогда нарицаху за то, иже пчелы им налезоша и борти верх древия устроиша. По мале ж времени прииде на землю Словенскую посланный праведный гнев божий, измроша людей без числа во всех градах и в весех, яко некому ужепогребати мертвых. Оставшии же люди пустоты ради избегоша из градов в дальняя страны, ови на Белья воды, иже ныне зовется Бело езеро, ови на езере Тинном, и нарекошася весь, инии же по иным странам и прозвашася различными проименованими. Ови же паки на Дунав ко прежним родом своим, на старожитныя страны возвратишася.

Первое запустение Словенску. А великий Словенск и Руса опустеша до конца на многия лета, яко и дивиим зверем обитати и плодятся в них. По неких же временех паки приидоша з Дунава словяне и подьяшаскифи болгар с собою немало, и начаша паки грады оны Словенск и Русу населяти. И приидоша же на них угры белыя, и повоеваша их до конца, и грады их раскопаша, и положиша Словенскую землю в конечное запустение.

Второе запустение Словенску. По мнозе же времени оногo запустения слышаху скифские жителие про беглецы словенстии о земли праотец своих, яко лежит пуста и никим не брегома, и о сем зжалишаси вельми и начаша мыслити в себе, како б им наследити землю отец своих. И паки приидоша из Дуная множество их без числа, с ними же и скифы и болгары и иностранницы поидоша на землю Словенскую и Рускую, и седоша паки близ озера Илмеря и обновиша град на новом месте, от старого Словенска вниз по Волхову яко поприща и боле, и нарекоша Новград Великий. И поставиша старейшину и князя от роду же своего именем Гостомысла. Тако же и Русу поставиша на старом месте, и ины грады многи обновиша. И разыдошася кийждо с родом своим по широте земли, и ови же седоша в полях и нарекошася поляне, сиречь поляки, ови полочане речки ради Полоты, ови мазовшане, ови жмутяня, инии же бужане по реце Бугу, ови дреговичи, ови кривичи, ови чюдь, инии меря, инии же древляне, и инии моравя, серби, болгары сих же от роды, и инии же северы, и инии лопи, и инии жн мордва, и инии же мурама, инии же в различная именованія прозвахуся.

И тако начаша расширяться страна она вельми, а общим же имянем прозывахуся. Сын старейшаго князя новгородскаго Гостомысла, именуемый младый Словен, сей отъиде от отца своего в Чюдь и тамо постави град во имя свое над рекою на месте, нарицаемом Ходницы, и нарече граду имя Словенск, и княжив в нем три лета, и умре. Сын же его Избор, сей преименова имя граду своему и нарече Изборск. Сей же князь Избор змием изъяден умре. Земля же Руская тогда сверже с себя ризы сетованныя и паки облечеса в порфиру и виссон и к тому уже не вдовствуя, ниже сетуя, но паки по сем же и дети разилоди и на

многа лета опочивая пребывши с премудрым Гостомыслом. Егда ж сии во глубокую старость прииде и не могый уже рассуждати, ниже владети таковыми многочисленными народы, ниже утишити многомятежных междоусобных кровопролитий в роде своем, тогда убо он премудрый, седый умом и власы, призывает к себе вся властели ру-ския, иже под ним, и рече к ним ослабленным лицом: «О мужие и братие, сынове единокровницы, се аз уже состарехся вельми, крепость моя исчезает и ум отступает, но токмо смерть. А се вижду, яко земля наша добра и всеми благими изобильна, но не имать себе властодержца государя от роду царскаго. Сего ради в вас мятеж велик и неутшим и межъусобица зла. Молю убо вы, послушайте совета моего, иже реку вам. По смерти моей идите за море в Прусскую землю и молитесь тамо живущих самодержцев, иже роди кесаря Августа, кровницы суще, да идут к вам княжити и владети вами, несть бо вам срама таковым покориться и в подданстве у сих быти». И возлюбивша вси речь старейшинскую, и егда сей умре, тогда всем градом проводиша честно до гроба, до места, нарицаемаго Волотово, иде ж и погребоша его. По смерти же сего Гостомысла послашавсею Рускою землею послы своя в Прусскую землю. Они же шедше и обретоша тамо курфистра или князя великого, именем Рюрика, рода суща Августова, и молиша сего, да будет к ним княжити. И умолен быв князь Рюрик, и поиде на Русь з двема братома своима, с Трувором и з Синеусом.

И седе Рюрик в Новеграде, а Синеус на Белеозере, а Струвор [так! – *В.Д.*] в Зборце. И по двои лету Синеус умре, потом же и Струвор, и бысть Рюрик единодержавен, над всею Рускою землею державствова лет 17. Новгородцы же видевше Рюриково добродство и мужественное его остроумие, пророчествоваху к себе, глаголюще: «Разумейте, братие, яко непременно имама быти под едином игом державнаго обладателя. От сего Рюрика и от рода его и не токмо упразднится им самовластие наше, но и раби им будем». Тогда Рюрик уби некоего храбра новгородца именем Вадима и иных многих новгородцев и советников его. Аще тогда и нечестиви бяху новгородцы, но обаче по пророчеству их, паче же благоволением божиим и доньше царствуют ими от Рюрикова семени благородное изращение. Яко же прежде в нечестии повиновася им и до блаженнаго Владимира, им же сподобихася познати сущаго Бога и просвещени быша святым крещением и сияют благочестием неподвижно и неотступно, веру христову держаще и непременно обладаеми Владимировыми благородными чады и внучаты в роды и роды.